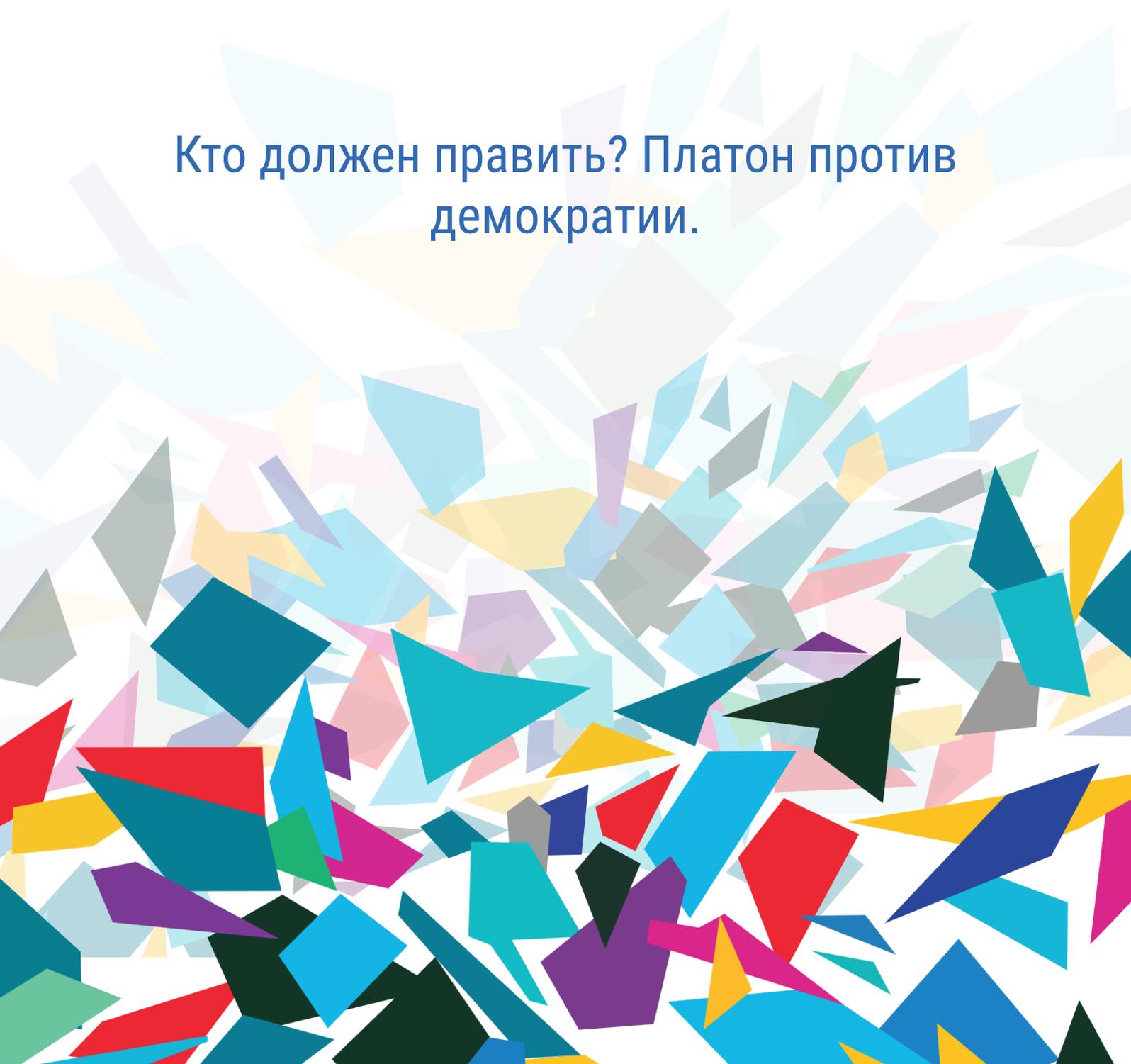

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ

Кто должен править? Платон против
демократии.

Образ капитана

Платон: предположим, что положение дел на борту корабля или кораблей следующее. Капитан крупнее и сильнее любого из экипажа, но немного глуховат и недалковиден, а также ограничен в мореходстве. Экипаж все ссорится друг с другом о том, как ходить по кораблю, каждый думая, что он должен быть у руля; они никогда не изучали искусство навигации и не могут сказать, что кто-то когда-либо учил их им или что они проводили какое-то время, изучая его; на самом деле они говорят, что этому нельзя научить и готовы убить любого, кто говорит, что может.

Что такое демос?

В классическом греческом языке демос можно понимать как «народ» и как «толпа». В последнем случае понимание демократия как правления толпы означает господство черни, вульгарности, немых, негодных и т.д.

Ремесленная аналогия

Если вы заболели и хотите получить совет о своем здоровье, вы должны обратиться к специалисту – врачу. Другими словами, вы хотели бы проконсультироваться с кем-то, кто был специально подготовлен для выполнения этой работы. Последнее, что вы должны были бы сделать, это собрать толпу и попросить ее проголосовать за выбор правильного лекарства или лечения.

Если людям, а не экспертам будет позволено принимать решение, их будут склонять к тому или иному решению те, кто говорит громче и с большей убежденностью – например, как это делают софисты – и так далее.

Справедливое общество невозможно, если правители не станут философами или философы не станут правителями. Философская подготовка, утверждает Платон, является необходимой квалификацией для управления.

Говоря о философии, Платон не имеет ввиду чтение и размышления исключительно о философии. У него есть план образования для «стражей» на всю жизнь, рассчитанный на всю жизнь, включающий в себя в первые годы не только навыки грамотности, но также музыкальное, математическое, военное и физическое воспитание.

Философия вообще не изучается до 30 летнего возраста. За пятью годами изучения философии следует пятнадцатилетняя военная служба, и тем, кто прошел через это с честью, затем разрешают постоянно обращаться к философии: отдых, прерываемый только необходимостью заниматься «утомительным делом политики».

Аргументы Платона против демократии кажутся разрушительными. Если управление – это умение, и умение, которое может быть достигнуто лишь немногими, тогда демократия кажется просто абсурдной или иррациональной.

Проблема со стражниками-экспертами

Дело не в том, что мы никогда не должны полагаться на экспертов, а в том, что предоставление экспертам неконтролируемых полномочий означает приглашение к катастрофе. Вы можете выбрать совет врача или архитектора, но кто был бы рад, если бы «приказы врача» имели силу закона или если архитекторы распределяли дома людям? Как бы ни были хороши эти люди на работе, почему мы должны доверять им принимать решения от нашего имени?

Правители-философы не имеют права владеть частной собственностью. Следовательно, казалось бы, нет места для коррупции, которую мы так часто наблюдаем в современном мире, где правящая семья или клика, обогащаются за счет своего народа.

Но если мы предположим, что это может быть осуществлено, мы, похоже, вернемся к противоположной трудности. Если жизнь правителя не богатая, почему кто-то соглашается править?

Стражники соглашаются руководить не ради внутренней или внешней награды, они берут на себя эту роль, чтобы не быть управляемыми другими – худшими правителями – стражники берут на себя это вынужденное обязательство.

Кто будет иметь власть, в том числе власть, чтобы остановить стражников? Платон считает, что

философское образование является гарантией иммунитета правителя. Хотя более эффективным инструментом является контроль со стороны наделенного полномочиями электората.

Как стражники могут быть назначены?

Платон считает, что потенциальные стражники могут быть выбраны в раннем возрасте, а затем подвергнутся различным суровым испытаниям, которые позволят выбрать лучших. Такой сценарий подходит для военной карьеры от рядового до генерала. Но как претензии стражников Платона быть правителями могут быть восприняты народом в целом?

Знания и интересы

Некоторые критики доказывают, что мы должны скептически относиться к утверждению о том, что могут существовать опытные правители, обладающие особым уровнем знаний. В конце концов, часто говорят, что никто не может быть абсолютно уверен ни в чем. Сократ, а вслед за ним и софисты утверждали: я знаю, что я ничего не знаю. Практически все претензии на знания – будь то в политике, науке или философии – не могут быть абсолютными, знание носит исторический характер, а значит становятся ошибочными, если не является таковыми с самого начала.

Неправда, что нет никаких экспертных знаний, применимых к управлению, тем более если экспертные знания существуют по другим темам? В это тоже трудно поверить. Правители сегодня нуждаются в довольно тонком знании экономики, психологии и мотивации человека. Им нужны (даже если они не всегда обладают) высокий интеллект, огромная работоспособность, острая память, отличная способность разбираться в деталях и умение обращаться с другими людьми.

Абсурдно думать, что никто не может быть лучшим правителем, чем кто-либо другой. Можно привести очень веские аргументы в пользу того, что правление, по крайней мере, по большей части, является ремеслом.

Правление для народа должно быть правлением народа

Платон выступает за систему доброжелательной диктатуры. Но даже если диктатор хочет продвигать интересы народа, каким образом эти интересы народа должны быть известны диктатору?

Без какой-либо процедуры голосования, как это можно обнаружить?

Логика и метафизика не говорят вам, чего хотят люди. Ни этика, ни даже политическая философия. Философские знания и фактическая информация кажутся совершенно разными вещами.

Пример прокладки дороги показывает неоднозначность ситуации и порождает сильные сомнения в ценности демократии. Как должно быть принято решение среди конкурирующих предпочтений или интересов? Вполне возможно, что, поскольку существует более двух вариантов (дорога может быть построена по нескольким различным маршрутам), ни один из вариантов не получит поддержки большинства. Но даже если и так, очевидно, что мы должны принять предпочтение большинства. Возможно, это было бы очень несправедливо по отношению к меньшинству (вспомните мадисонский элемент демократической защиты меньшинств).

Платон утверждает, что нам нужны опытные правители. Защитники демократии отвечают, что эксперты должны знать интересы народа, и только голосование покажет, что это такое. Но как оказывается голосование не панацея. Мы никогда не можем быть уверены, что демократическое голосование вообще говорит нам о предпочтениях или интересах людей.

Пример с курением

Предположим, что группа людей оспаривает вопрос о том, следует ли разрешать курение в общественных местах, которое они разделяют и контролируют – например, в студенческом общежитии.

Соответственно, некоторые курильщики проголосуют за то, чтобы отрицать свое собственное удовольствие, утверждая, что для курильщиков неправильно подвергать других негативным последствиям их поведения. Некоторые некурящие тоже проголосуют против своих предпочтений, утверждая, что курение – это вопрос индивидуального решения. Другими словами, эти люди голосуют бескорыстно и поэтому не раскрывают свои интересы своим голосованием.

Если люди голосуют по смешанным мотивам – некоторые из предпочтений, другие из-за заботы о всеобщем благе – тогда это говорит нам лишь о том, что большинство людей проголосовало за один

вариант, а не за другой.

Голосование и общее благо

Две модели:

По одной модели избиратели голосуют в соответствии со своими предпочтениями.

По другой – избиратели голосуют в соответствии со своими оценками или мнениями об общем благе.

Если мы позволим людям голосовать в соответствии с их идеей общего блага и следовать решению большинства, у нас, безусловно, будет очень хороший шанс быть правым.

Почему мы должны ожидать, что голосование среди толпы будет лучше, чем передача этого вопроса специально подготовленным экспертам?

Если проголосует большое количество людей, то шансы получить правильный результат имеют тенденцию к росту.

Это утверждение работает только при двух условиях:

Во-первых, среднестатистический человек должен иметь больше шансов, чем когда-либо, чтобы быть правым (сам Кондорсет был очень пессимистичен по этому поводу, когда голосование происходит в больших масштабах).

Во-вторых, каждый человек должен быть мотивирован голосовать в соответствии со своими идеями общего блага, а не из-за особых интересов.

Ценности демократии

Аналогия с ремеслом основана на идее, что управление – это умение; навык, направленный на достижение какого-то внешнего объекта.

Мы ценим навыки не только за их результаты, но, по крайней мере, иногда за самих себя.

Тренировка хобби

Даже если хобби является чем-то очень практичным, например, деревообработка, оно редко ценится на том основании, что это наиболее эффективный способ достижения определенного результата.

Это наводит на мысль, что демократию нельзя оценивать просто с точки зрения того, насколько хорошо она достигает общего блага, даже если это тоже важно.

Продолжаем пример с метафорой государства как корабля

Но должна ли навигация всегда иметь такую четкую цель эффективного прибытия в заранее выбранный пункт назначения? Представим себе, например, тренировочный рейс.

Защитники демократии скажут, что демократия ценна не только или не обязательно, потому что демократии принимают лучшие решения, чем другие типы политических договоренностей, а потому, что в самих демократических процессах есть что-то ценное. Обычно считается, что демократия выражает две ценности, которые нам дороги: свобода и равенство. Свобода, как понимается здесь, заключается в предоставлении людям права голоса при принятии политических решений, особенно тех решений, которые их затрагивают. Равенство заключается в том, что эта свобода дается всем.